

Лаврова Светлана Юрьевна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: llavrov20@gmail.com

Lavrova Svetlana Yurevna

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: llavrov20@gmail.com

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОГО
МЕСТОИМЕНИЯ «МЫ»
В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
ПИСАТЕЛЯ-БЕЛЛЕТРИСТА
XIX ВЕКА Н.Д. АХШАРУМОВА¹**

**THE FUNCTIONAL POTENTIAL
OF THE PERSONAL PRONOUN
"WE" IN LITERARY CRITICISM
OF THE WRITER AND NOVELIST
OF THE XIX CENTURY
N.D. AKHSHARUMOV**

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу функционального потенциала личного местоимения «мы» в литературной критике писателя-беллетриста XIX века Н.Д. Ахшарумова.

Abstract. This article is focused on the analysis of the functional potential of the personal pronoun “we” in literary criticism of writer and novelist of the XIX century – N.D. Akhsharumov.

Ключевые слова: литературный критик Н.Д. Ахшарумов, личное местоимение «мы», языковая личность, дискурсивный анализ

Keywords: literary critic N.D. Akhsharumov, the personal pronoun “we”, linguistic personality, discourse analysis

Введение

Писатель-беллетрист XIX века Николай Дмитриевич Ахшарумов создал немало литературных критических текстов, посвященных анализу творчества великих писателей-современников [1], [7]. Объектом рассмотрения в данной работе является личное местоимение «мы», функциональный потенциал которого приобретает *концептуальный* характер в контексте выбранных нами критических статей автора. Обозначим ход нашей исследовательской мысли по представлению многоаспектности личного местоимения «мы» в репрезентации *языковой личности* литературного критика Н.Д. Ахшарумова.

Предметом анализа являются следующие позиции, характеризующие объем личного местоимения «мы» с точки зрения его семантики и функции: 1) *альтруистическая семантика* местоимения «мы» в условиях его дискурсивного употребления [8]; 2) *концептуальная текстообразующая* функция местоимения «мы», определяющая важнейшую диадку критической работы «критик-читатель»; 3) *прагматическая роль* местоимения «мы», актуализирующая базовую стратегию и частные тактики литературного критика как языковой личности.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00491): «Неисследованные «имена» в русском литературном процессе второй половины XIX века: Н.Д. Ахшарумов как прозаик и литературный критик».

Основная часть

Личные местоимения русского языка обладают достаточно широким спектром функциональной реализации в контексте речевого употребления: их семантика становится контекстуально обусловленной в представлении «возможного мира» писателя, поэта, литературного критика – любого творческого автора, владеющего словом и активно пользующегося вербально-семантическим лексиконом обыденного языка. Дейктические функции личных местоимений (обозначение участников ситуации) во многом уточняются за счет референциальной семантики и начинают приобретать дополнительные контекстуальные смыслы (от официально-академического «мы» вместо «я», в определенной степени характеризующего стилистику литературной критики XIX века, до ярко выраженной диалогичности автора критического текста по отношению к читателю).

Арсенал личных местоимений как показатель поля субъективной модальности широко применяется в текстах любого жанра (за исключением научных текстов, в которых употребление «мы» рассматривается чаще всего как авторское «мы»). Субъективная модальность автора выступает в качестве одной из категорий, формирующих концептуальную структуру критической статьи. Исследователи отмечают, что в каждом тексте в той или иной степени имеет место информация трех типов: «первичная – новое знание, вторичная – известное и метайнформация – выражает отношение нового к известному, предлагает и разъясняет формы синтеза нового знания со старым» [9, с. 14].

Обратившись к корпусу критических статей Н.Д. Ахшарумова, подчеркнем, что нас интересует (наряду с читателем широкого круга) именно **метайнформация**, составляющая основное содержание литературной критической статьи, написанной для представления оценки художественного произведения, чьему разбору и посвящена работа критика. **Модус** как точка зрения, намерение пишущего субъекта речи напрямую связан с **диктумом** (объективной реальностью, о которой идет речь) и способами его выражения (диалогическим характером модальности, способами представления оценки и т.д.).

Личное местоимение «мы» меняет речевой статус говорящего по сравнению с личным местоимением «я», поскольку эгоцентризм местоимения первого лица единственного числа характеризует конкретную личность, создающую коммуникативную ситуацию общения, а местоимение множественного числа указывает на некую совокупность лиц речевого общения. Именно поэтому, делая акцент на шкалу эгоистичности-альтруистичности, лингвисты оценивают семантику данных дейктических слов в дискурсивном контексте [8].

Ярким дискурсивным контекстом для подобного анализа выступает литературная критика, к текстам которой мы и обратимся. Проанализируем корпус критических статей Н.Д. Ахшарумова, учитывая отмеченные выше теоретические подходы к пониманию изучения объекта.

В качестве исследовательского материала рассматриваем критические статьи, написанные автором в период от 1858 до 1869 гг. Независимо от времени написания, Ахшарумов выбирает, образно выражаясь, «альтруистический путь» анализа материала, частотно используя местоимение «мы» в своих работах. Обоснуем данное утверждение. Статья «Война и мир». Сочинение графа Л. Толстого. Части 1–4»: «является теперь *перед нами*» [2, с. 25]; «мы ждем романа по образцу Вальтера Скотта» [2, с. 25]; «Прежде всего *мы* должны понять» [2, с. 26]; «Мы только напомним, что автор не пощадил их...» [2, с. 37] и т.д. Статья «1805 год, сочинения графа Льва Толстого»: «С этой точки зрения *мы* и просим взглянуть на 1805 год» [1, с. 119]; «все члены общества, изображенного графом Толстым, кажутся *нам* детьми» [1,

с. 121]; «мы видим знакомые *нам* черты» [1, с. 122]; «Вспомним, что *мы* в Петербурге и при дворе» [1, с. 122]; «В заключении повторим, что автор оказал *нам* большую услугу. Он воскресил перед *нами* наших отцов и дедов» [1, с. 135] и т.д. Статья «Война и мир. Сочинения графа Толстого. Том 5»: «В третий раз *нам* приходится говорить об этом произведении, и *мы* все еще не можем сказать последнего слова, потому что оно до сих пор не кончено» [5, с. 55]; «Напротив, *мы* только того и боимся, чтобы рассказ не окончился» [5, с. 55]; «В пятом томе индивидуальные роли знакомых *нам* лиц бледнеют перед яркой картиной народных событий» [5, с. 55]; «С подобными данными *мы* имеем уже возможность дополнить то, что сам автор нашел неудобным или излишним» [5, с. 59] и т.д. Статья «О порабощении искусства»: «Да, *наше* время всегда думало о себе много, слишком даже много» [6, с. 287]; «придет, наконец, пора, когда и *мы* останемся назади, будем брошены по дороге, как старые, дырявые сапоги, и жизнь потечет своим чередом без *нашего* участия, и человек пойдет вперед по-прежнему, но *нас* уже не возьмет с собою» [6, с. 287]; «*Мы* тычем возгласы об успехах *нашего* времени всюду, куда только есть малейшая возможность их ткнуть» [6, с. 288] и т.д. Статья «"Преступление и наказание", роман Ф.М. Достоевского»: «С первого взгляда на них и прежде чем *мы* успеем сознательно их оценить, *нам* становится как-то дико» [3, с. 125]; «*Мы* с беспокойством осматриваемся, *мы* ищем напрасно чего-нибудь, что помогло бы *нам* ориентироваться, узнать достоверно: где *мы*, с какой стороны вошли и куда *нас* зовут?» [3, с. 125]; «*Мы* торопливо проходим мимо него; *нас* куда-то зовут, *нас* тянут куда-то назло *нашей* воле; *нас* заставляют смотреть на то, чего *мы* не желали бы видеть, и принимать душою участие в том, что *нам* ненавистно» [3, с. 126] и т.д. Статья «Обломов. Роман И. Гончарова. 1859»: «Теперь, впрочем, трудно даже и у *нас* найти нетронутый экземпляр реалиста» [4, с. 603]; «В сущности, *мы* не имеем ничего против этой последней идеи. Мало того, как дети своего времени *мы* сами ею заражены» [4, с. 603] и т.д. Статья «Мнение Н.Д. Ахшарумова о драме г. Писемского "Горькая судьбина"»: «От чистого сердца *мы* должны радоваться такому порыву, потому что он обещает *нам* много хорошего» [7, с. 52]; «То, что является у нее на поверхности, у *нас* в России, по крайней мере, так скудно и мелко в сравнении с тем, что таится внутри, в глубине исторической почвы; а разрабатывать эту почву *мы* начали еще так недавно» [7, с. 52] и т.д.

Выбранные нами в произвольном порядке примеры из текстов критических статей подтверждают факт постоянного использования автором личного местоимения «мы» в языковых конструкциях. Для нас же важнее всего представление автора критической статьи как языковой личности, а не как пользователя лексиконом русского языка, поэтому рассмотрим текстообразующую функцию частотного местоимения, приобретающего в дискурсе критики концептообразующий характер. Обратимся к разграничению концептуального и собственно языкового содержания в языковом знаке, рассматривая употребление «мы». Первое контекстуальное значение личного местоимения «мы» наряду с «я» – это отражение сущности языковой личности говорящего, ставящей цель в создаваемом тексте, либо связанную с прямым утверждением своего «эго», либо указывающую на себя в объединении с кем-то из читателей. Языковая личность литературного критика, в арсенале которой фигурирует личное местоимение «мы», подчеркивает желание создать впечатление «сплоченности» с читателями. В таком случае «мы» приобретает функции концепта-заместителя в мыслительном и речевом процессе диалога автора с читателем. Ассоциативное поле концепта «мы» формирует прагматику текста, создаваемого автором.

Жанровые особенности литературной критики характеризуются в определенной степени синкретичностью стилей: в критике может быть представлена и научная форма изложения материала, и художественная форма, и публицистическая, однако мы не можем считать литературную критику чисто научным текстом, в котором «мы» используется вместо «я» (как официально-академическое «мы»).

В подтверждении того, что «мы» в тексте Ахшарумова не есть только «авторское мы» вместо «я» (так называемая формула скромности), проанализируем контекст употребления местоимения-концепта «мы»: «К числу самых редких явлений в нашей литературе принадлежит «Тысяча восемьсот пятый год» графа Льва Толстого» [1, с. 119] (заменить на употребление «в моей литературе» невозможно, поскольку полностью изменяется смысл высказывания – С.Л.); «Но эта смесь, звучащая в наше время дряхлым, неизлечимым ребячеством старости, в ту пору имела свой детский наивный комизм и очень понятное оправдание» [1, с. 122] (употребление «мое время» имеет другой смысл – С.Л.); «Там люди не знают, и ни отцы их, ни деды не помнят такого неограниченного простора жизни, какой существует у нас» [2, с. 26] (но не «у меня» – С.Л.); «Мы выработали государственное единство, но не выработали еще никакого единства между развитием нации и развитием личным» [2, с. 26] (замена «я» вместо «мы» невозможна без искажения смысла – С.Л.); «Едва успел выйти в свет новый роман г. Гончарова, как в медико-хирургическом департаменте нашей литературы уже была объявлена автору благодарность за то, что она первой открыла истинный корень одной из самых важнейших отраслей нашего русского, общественного недуга – открыла и предложила врачевание» [4, с. 600] (критик не может в этом контексте заменить употребление «нашей литературы» на «моей литературы»), поскольку нарушается содержание текста – С.Л.). Проанализируем еще один пример употребления «мы»: «Мы сами не можем прийти в себя от удивления, глядя на себя, как мы расцвели и похорошели. Посмотрите на эти коньки нашего самоллюбия – на наши фабрики, железные дороги, пароходы, электрические телеграфы и на тысячи изобретений и усовершенствований разного рода...» [6, с. 289]. Использование местоимения «мы» и его падежных вариантов в контексте данного высказывания может быть рассмотрено только как концептуальное использование одноименных лексем. Возможно, подобное употребление связано и с социальной проблемой коммуникации. Прямых характеризующих эпитетов у личных местоимений нет, но их использование в тексте позволяет, учитывая контекст, предполагать дополнительные смыслы, не эксплицируя их. Так язык «помогает» нашей прагматике. Диалог критика с собеседником-читателем в определенной степени скрыт внутри текста, хотя именно собеседник-читатель является практически носителем той же идеи, которую репрезентирует в критической статье ее автор.

Из приведенных примеров видим, что замена «мы» на «я» невозможна без искажения смысла данных статей, поэтому, проводя языковую субституцию, отмечаем: «мы» у Ахшарумова – текстообразующий концепт со значением «совокупности», контекстуальный смысл которого заключается в объединении автора-критика и читателя-современника. Следовательно, использование местоимения «мы» в корпусе критических статей нереферентно в прямом смысле этого слова. Концепт «мы» начинает выполнять инклюзивную функцию – «некоторая группа, включающая в себя автора или с которой автор себя отождествляет» [10]. Кроме этого, важно отметить тот факт, что концепт «мы» «пронизан» авторской оценкой (общеизвестно, что нереферентные употребления «мы» могут выступать в качестве средства общей оценочности).

У Ахшарумова, *наша литература – наше время – наша работа – мы живущие – мы читающие – мы, знающие собственную историю, наконец, – мы, оценивающие*

мир автора анализируемого произведения и продукт его творческой деятельности, – это составляющие текстообразующего концепта «мы». Метаинформация, которая формируется в структуре критических статей, наполняет репрезентацию концепта «мы» разноплановым содержанием: от оценки действий персонажей до характеристики философии автора-писателя, о творчестве которого идет речь. Текстообразующие потенции использования концепта «мы» и его транспозиций позволяют критику осуществлять эффект причастности читателей в процессе анализа произведения писателя. Например: «Из праздничных сплетен в семействе Ростовых *мы* узнаем, что побочный сын графа Безухого Пьер, с которым *мы* познакомимся еще в Петербурге, на вечере у фрейлины Шерер и в кабинете князя Андрея Болконского, выслан в Москву за дурачество, сделанное им после попойки» [1, с. 126]. В конечном итоге из данной конкретной информации, доступной для всех, кто читает роман Л.Н. Толстого, сформируется оценочная метаинформация, описанная критиком: «Несмотря на ее отрывочный сжатый вид, характеры лиц, в ней участвующие, рисуются действием, и эти характеры поняты так глубоко, очерчены так удачно, что *мы* имеем возможность их видеть насквозь» [1, с. 127]. Следует отметить, что в некоторых контекстах концепт «мы» у Ахшарумова теряет свою обобщенность, поскольку появляется и прямое употребление лексемы «читатель», отделенное от «мы»-концепта. Такие примеры единичны, но необходимо зафиксировать подобные конструкции для того, чтобы быть объективными в нашей исследовательской трактовке: «В подтверждение этих слов *мы* не можем себе отказать в удовольствии напомнить *читателю* последнюю и, по *нашему мнению*, лучшую сцену этой комедии, сцену развязки» [1, с. 128].

В контексте актуализационного модуса актант «читатель» не столь частотен в корпусе критических статей Ахшарумова как персонализатор третьего лица, который не может быть включен в совокупный концепт «мы». Проанализировав употребление «Его родственник, тоже другой петербургский знакомый *читателя*, князь Василий Курагин...» [1, с. 127], обнаруживаем в текстах Ахшарумова дифференциацию читателя как концептуального сотворца критической статьи, способного пройти весь путь анализа вместе с критиком, и обычного читателя-пользователя, знакомящегося с текстом произведения. Вероятно, и на этом различии построена стратегическая линия в анализе произведения писателя. Психологически легче осуществлять анализ литературного текста, не оставаясь с ним «один на один», а привлекая в критические союзники читателя-современника, знающего, как и автор, законы русской жизни.

Тактические ходы Ахшарумова синтаксически обоснованы: много риторических вопросов; обращений к знанию концептуального читателя, особенно, знанию российской истории; частотны конструкции с развернутыми однородными членами предложения, многоаспектно описывающие знаковые события. Например: «Вторая часть 1805 года не так интересна, но и она необходима для целого. В ней *мы* видим *наших* отцов на поле войны, покрытых славою; видим тех же людей, которые семь лет спустя отстояли родину и оставили *нам* навсегда воспоминания незабвенные» [1, с. 133].

Выводы

Подводя итог нашим рассуждениям, констатируем, что литературный критик Н.Д. Ахшарумов активно использует в своих критических статьях личное местоимение «мы». Ярким дискурсивным контекстом выступает литературная критика, в которой автор статей выбирает путь обобщенного характера авторского «мы» без активного характера авторского «я». Альтруизм «мы» позволяет критику не диффе-

ренцировать адресанта и адресата, смягчая критический накал и снижая критическую оценку до уровня оценочного отношения к рассматриваемому объекту анализа.

Тем не менее, употребление местоимения «мы» в текстах статей Ахшарумова совсем не однозначно. В подавляющем большинстве использования употребление фиксирует нереферентный характер и используется для репрезентации текстообразующего концепта «мы» с диалогическим смыслом диады «читатель – критик», в которой «читатель» способен на сотрудничество с критиком, подчеркивающим выбор альтруистического ролевого статуса говорящего. По концепции А. Штейнгольд, читатель как молчаливый собеседник – понятие собирательное, не имеющее обратной связи [11], однако, как показывает исследовательский материал, молчаливый собеседник, имплицитно заявленный в тексте критической статьи, выполняет намного больше функций.

Будучи элитарной языковой личностью, концептуально и стилистически владеющей языком, Н.Д. Ахшарумов филигранно и частотно использует личное местоимение «мы» в прагматических целях, создавая собственную языковую картину мира критической литературы.

Литература

1. Ахшарумов Н.Д. 1805 год. Сочинения графа Льва Толстого // Всемирный труд. 1867. №6. С. 119–136.
2. Ахшарумов Н.Д. Война и мир. Сочинение графа Л. Толстого. Части 1–4 // Всемирный труд. 1868. №4. С. 25–54.
3. Ахшарумов Н.Д. «Преступление и наказание», роман Ф.М. Достоевского // Всемирный труд. 1867. №3. С. 125–156.
4. Ахшарумов Н.Д. Обломов. Роман И. Гончарова // Русский вестник. 1859. №1. С. 600–629.
5. Ахшарумов Н.Д. Война и мир. Сочинения графа Толстого. Т. 5 // Всемирный труд. 1987. №3. С. 119–136.
6. Ахшарумов Н.Д. О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. Т. 119 (СХІХ). №7. С. 287–327.
7. Ахшарумов Н.Д. Мнение Н.Д. Ахшарумова о драме г. Писемского «Горькая судьбина» // Весна. Литературный сборник. 1859. С. 52.
8. Дронсейка П.А. К вопросу об эгоцентризме личного местоимения «я» и альтруизме личного местоимения «мы» (на примере прозы Б. Акунина) // Язык. Словесность. Культура. Ногинск. 2012. №1. С. 8–32.
9. Дмитриевская И.В. Методологические аспекты исследования текста как системы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Куйбышев, 1989. С. 14.
10. Сичинава Д.В. Местоимение // Русская корпусная грамматика. 2013. URL: <http://rusgram.ru/>
11. Штейнгольд А.М. Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика). СПб, 2003.

References

1. Akhsharumov N.D. 1805 god. Sochineniia grafa L'va Tolstogo [1805. The writings of count Leo Tolstoy]. *Vsemirnyi trud* [The world of work], 1867, no. 6, pp. 119–136.
2. Akhsharumov N.D. Voina i mir. Sochinenie grafa L. Tolstogo. Chasti 1–4 [War and peace. Work of count Leo Tolstoy. Parts 1–4]. *Vsemirnyi trud* [The world of work], 1868, no. 4, pp. 25–54.
3. Ahsharumov N.D. “Prestupleniie i nakazaniie”, roman F.M. Dostoevskogo [“Crime and punishment”, Dostoevsky's novel]. *Vsemirnyi trud* [The world of work], 1867, no. 3, pp. 125–156.
4. Ahsharumov N.D. Oblomov. Roman I. Goncharova [Oblomov. A novel by I. Goncharov]. *Russkii vestnik* [The Russian Gazette], 1859, no. 1, pp. 600–629.

5. Akhsharumov N.D. Voina i mir. Sochineniia grafa Tolstogo. Tom 5 [War and peace. Works of count Tolstoy. Volume 5]. *Vsemirnyi trud* [The world of work], 1987, no. 3, pp. 119–136.
 6. Akhsharumov N.D. O poraboshchenii iskusstva [About the enslavement of art]. *Otechestvennyie zapiski* [Domestic notes], 1858, vol. 119 (CXIX), no. 7, pp. 287–327.
 7. Akhsharumov N.D. Mnenie N.D. Ahsharumova o drame g. Pisemskogo «Gor'kaia sud'bina» [Opinion of N.D. Akhsharumov about the drama g. cab "Bitter fate"]. *Vesna. Literaturnyi sbornik* [Spring. Literary collection], 1859, pp. 52.
 8. Dronseika P.A. K voprosu ob ehgocentrizme lichnogo mestoimeniia "ia" i al'truizme lichnogo mestoimeniia "my" (na primere prozy B. Akunina) [To the question about the self-centeredness of the personal pronouns "I" and the altruism of the personal pronoun "we" (on the example of the prose of Boris Akunin)]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2012, no. 1, pp. 8–32.
 9. Dmitrievskaia I.V. *Metodologicheskie aspekty issledovaniia teksta kak sistemy* [Methodological aspects of the study of text as a system: Dr. dis.]. Kuibyshev, 1989, pp. 14.
 10. Sichinava D.V. Mestoimenie [Pronoun]. *Russkaia korpusnaia grammatika* [Russian corpus grammar]. Available at: // <http://rusgram.ru/>
 11. Shteingol'd A.M. *Anatomiia literaturnoi kritiki (priroda, struktura, poehtika)* [The Anatomy of literary criticism (nature, structure, poetics)]. St Petersburg, 2003.
-

Лаврова С.Ю. Функциональный потенциал личного местоимения «мы» в литературной критике писателя-беллетриста XIX века Н.Д. Ахшарумова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №1 (82). С. 58–64.

For citation: Lavrova S.Y. The functional potential of the personal pronoun "we" in literary criticism of the writer and novelist of the XIX century N.D. Akhsharumov. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 1 (82), pp. 58–64.